

В о п р о с ы т е о р и и

К а т е г о р и и с и м м е т р и и и асимметрии в социологических и политологических исследованиях

Кошлаков Дмитрий Михайлович – соискатель
кафедры Философии, истории и социологии
Брянского государственного технического
университета

E-mail: dmkosh2012@yandex.ru

Категории симметрии и асимметрии в социологических и политологических исследованиях

Аннотация

Рассматривается использование понятий симметрии и асимметрии как категорий общенаучного знания и их распространение в современных социологических и политологических исследованиях. Отмечается высокое методологическое значение общенаучных категорий для современного социально-гуманитарного знания

Ключевые слова: асимметричный конфликт, асимметрия, гендерная асимметрия, информационная асимметрия, политология, симметрия, социология

Симметрия и асимметрия – свойства, с античных времен исследовавшиеся в естествознании (прежде всего, в геометрии) и философии (пифагорейцы, Платон и др.). Кроме того, эти свойства имели большое значение для архитектуры, эстетики, музыки, искусства [Готт 1988]. Впоследствии понятия симметрии и асимметрии существенно развились и распространились на многие области математики (матричную и тензорную алгебру, математический анализ, статистику и т. д.) и физики (механику деформируемого твёрдого тела, кристаллографию; такие разделы теоретической физики, как теория поля, физика элементарных частиц и т. п.), а также другие отрасли естествознания, например биологию. Но и на этом развитие сферы применения понятий симметрии и асимметрии не приостановилось, хотя благодаря развитию системного анализа и синергетики были обнаружены довольно интересные закономерности окружающего нас мира, связанные с симметрией и асимметрией процессов, в нём протекающих. Понятия симметрии и асимметрии оказались столь глубоко укоренены в окружающем нас мире, что постепенно обрели общенаучный смысл, стали общенаучными понятиями наряду с такими парными категориями, как линейность и нелинейность, изолированность и неизолированность, порядок и хаос,

дискретность и непрерывность, локальность и нелокальность, определённости и неопределённость, финитность (конечность) и бесконечность.

Выдающийся советский философ В. С. Готт (1912-1991), специализировавшийся на философских проблемах естествознания, столетие со дня рождения которого российская философия отметила в 2012 г., одним из первых показал общенаучный смысл подобного рода категорий, определил их место в концептуальном пространстве между философскими категориями и понятиями частных наук, указал на важную методологическую функцию, ими реализуемую [Готт 1988]. На языке современной эпистемологии эта функция может быть обозначена как осуществление коммуникации между философским и частнонаучным знанием, между различными уровнями научно-философского знания вообще, и формирование тенденций к интеграции научного знания в условиях его стремительного дезинтеграционного роста.

В. С. Готт подчеркивал, что особый смысл использование общенаучных понятий имеет в современных социально-гуманитарных исследованиях, где они могут сообщить дополнительный импульс развитию социальному знанию [Готт 1988]. Впоследствии это положение подтвердилось широкой научной практикой, и оказалось, что благодаря развитию системного анализа и иных отраслей общенаучного знания (математика, логика, теоретико-вероятностные и статистические методы, кибернетика, теория информации, синергетика), а также расширению сферы их применения, их экспансии в социальное знание, произошло распространение общенаучных категорий в социально-гуманитарном знании. Кроме того, данному процессу способствовал высокий эвристический потенциал, которым обладают общенаучные категории, их адекватность задачам концептуализации (в данном случае – осуществления концептуальных построений, включающих в себя общетеоретические и частные аспекты работы со знаниями) социальной информации и осуществления методологической рефлексии высокого уровня.

Итак, за последние несколько десятилетий общенаучные категории проникли в политологию, социологию, экономику, лингвистику, психологию, менеджмент, коммуникативистику, конфликтологию и другие сферы социально-гуманитарного знания. Не стали исключением в этом плане и понятия симметрии и асимметрии [Гомбоева, Новиков 2010: 9; Жуланов 2011: 131-132; Милостивая, Серебрякова 2010]. Именно их место в современном социальном знании мы попытаемся обозначить в данной статье. Переходя на новый уровень обсуждения, имеет смысл привести определённые примеры применения указанных категорий в современном социально-гуманитарном знании.

На языке современной эпистемологии функция научных категорий, подобных симметрии и асимметрии, может быть обозначена как осуществление коммуникации между философским и частнонаучным знанием, между различными уровнями научно-философского знания вообще, и формирование тенденций к интеграции научного знания в условиях его стремительного дезинтеграционного роста.

Симметрия и асимметрия как категории политологии

В современной политологии понятия симметрии и асимметрии используются нередко (симметричные и асимметричные федерации, асимметричные международные отношения и т. п.). Так, к примеру, актуальна проблема асимметрии экономических и политических интересов в отношениях между различными странами, организациями и т. п. Скажем, в российско-польских отношениях экономические интересы сотрудничества достаточно сильны, тогда как политические, наоборот, слабы, что приводит к серьёзным диспропорциям в межгосударственных отношениях, когда политическая разновекторность двух стран осложняет экономическое партнёрство. Обсуждая российско-американские отношения, политолог Н. В. Злобин говорит о том, что неразвитость экономического взаимодействия между США и Россией препятствует формированию достаточно влиятельных групп, способных конвертировать интересы экономического взаимодействия в стабильность и позитивность российско-американских отношений в сфере политики [Злобин 2012]. Данную позицию можно оспорить (слишком уж многоаспектна проблема отношений Москвы и Вашингтона), однако для нас в данном вопросе более важно внимание аналитиков и экспертов к проблеме асимметрии политических и экономических интересов в межгосударственных отношениях, её высокая значимость в современном политологическом дискурсе и, наконец, релевантность категории асимметрии задачам концептуального описания определённых политических проблем.

В сфере военно-политического анализа интенсивно используются такие понятия, как «асимметричный ответ на военно-стратегические вызовы», «асимметричные вооружённые силы» и т. п. С некоторых пор с подачи высшего политического руководства России широкое хождение приобрело понятие асимметричного ответа на военно-стратегические вызовы и угрозы. Для В. Путина понятие асимметричного ответа на планы создания европейского района американской ПРО, провозглашённое в его знаменитой «мюнхенской речи» в феврале 2007 г., было важным в том смысле, что Россия не позволит своим военно-стратегическим конкурентам втянуть себя в изматывающую гонку вооружений, а будет активно работать над ответом, использующим иные интеллектуальные достижения военной науки и техники, нежели её конкуренты.

Вместе с тем это не означает, что «симметричному ответу» вообще не должно быть места. Скорее всего, абсолютно асимметричного ответа быть не может, поскольку он контрпродуктивен, и в данном случае ориентироваться нужно на разные

типы ответов, рационально распределяя организационные, военные, технологические, интеллектуальные и экономические ресурсы между ними.

Асимметричный ответ делает невозможным или, вернее, крайне недостаточным простое копирование военной техники и технологий, а также догоняющее развитие в военно-технологической сфере. Выработка асимметричного ответа требует поддержания военной науки на высоком интеллектуальном уровне, а соответственно и её серьезного финансирования. Высокие требования логика асимметричного ответа предъявляет и к личному составу вооруженных сил, равно как и к системе его подготовки, военному образованию как области воспроизводства основных потенциалов вооружённых сил.

В более широком смысле асимметричный ответ – это ответ, достигнутый в рамках уровня технологического развития, по ряду параметров существенно отличающегося от уровня развития противника. В этом плане асимметричный ответ может быть связан как с более высоким уровнем технологического развития, нежели у противника, так и с более низким. В любом случае и тот и другой типы асимметричных ответов могут по тем или иным причинам оказаться как результативными, так и безрезультными. Иначе говоря, военная задача в определённых ситуациях при стечении и обеспечении соответствующих обстоятельств может быть решена даже с применением вооружения, технологический уровень которого уступает уровню вооружения противника. К примеру, если с рыбацких джонок выставлены минные заграждения, из-за чего военный флот противника утрачивает господство в регионе, то, очевидно, дан асимметричный ответ, но не на основе военно-технологического превосходства над противником, а на основе использования его слабых сторон и своих скромных военных возможностей. В такой логике тоже иногда действуют, выстраивая асимметричные вооружённые силы при недостатке экономических ресурсов. Так действовал Вьетнам в эпоху военного противостояния США. Не в последнюю очередь это касается большей части вооружённых сил современного Ирана, страны, вокруг которой периодически нагнетается международно-политическая напряжённость.

Особый теоретический и одновременно практический интерес представляет понятие асимметричного конфликта. В частности, именно асимметричный конфликт миру пришлось наблюдать совсем недавно в Ливии: неожиданно для многих зарубежных аналитиков Ливийская арабская Джамахирия, руководимая М. Каддафи, в течение практически полугода сопротивлялась натиску огромной по своим масштабам совокупной силы – военной и пропагандистской машине НАТО, дополнительно усиленной ближневосточными оппонентами каддафистской Ливии (прежде всего Саудовской Аравией,

Асимметричный ответ в военной сфере – это ответ, достигнутый в рамках уровня технологического развития.

Катаром, Турцией) и в известном смысле внутриливийскими повстанческими отрядами, боровшимися против режима с оружием в руках.

К точному определению понятия «асимметричный конфликт» существуют разные подходы [Дериглазова 2009: 3, 9-11]. С точки зрения одних подходов, такого рода конфликт – это ситуация столкновения существенно отличных по своей военной, технологической и/или экономической мощи сторон (стран, организаций и т. п.); с точки зрения других – ситуация может казаться парадоксальной, неожиданной при линейном прогнозе, победы слабого субъекта над более сильным. Надо понимать, такая победа может быть временной или окончательной, частичной или полной.

Не вдаваясь в специализированные детали до определения дефиниций, приведём другие примеры асимметричных конфликтов. К их числу в том или ином смысле могут быть отнесены военные кампании США (и НАТО) во Вьетнаме, Сомали, Югославии, Афганистане и Ираке, кампания Франции в Алжире, серия малых войн, которые вела Великобритания после окончания Второй мировой войны и которые стали звеньями процесса распада Британской империи. В определённой степени черты асимметричного конфликта присущи русско-японской войне начала XX в. и военной кампании Советского Союза в Афганистане. Оба конфликта, подстегнув наращивание кризисных тенденций во внутренней политике, стали важными звеньями распада Российской и Советской империй.

Постсоветская Россия вплотную столкнулась с феноменом асимметричного конфликта в противостоянии с вооружёнными формированиями на территории Северного Кавказа, а также в борьбе с терроризмом. Террористические группировки пытаются нарушить хрупкий межнациональный мир на Кавказе (в этом заключался один из важнейших политических смыслов террористического акта в Беслане) и вообще стремительно ввергнуть всю российскую государственность в состояние глубокого политического кризиса (не исключено, что это было одной из важнейших целей другого крупнейшего террористического акта в истории России – захвата заложников в московском театральном центре на Дубровке). Террористические и партизанские войны в своём большинстве могут быть отнесены к асимметричным конфликтам.

В чём же причины того, что сравнительно слабые (или малые) субъекты в определённых случаях способны одерживать победу над мощными? Или если и не одерживать победу, то делать войну изнурительной для более крупного государства, оттягивать и даже сковывать значительные массивы сил и т. п. Причинами могут выступать поддержка малых субъектов крупными геополитическими игроками, к примеру, финансовая, информационная и военно-техническая подпитка.

Так, в случае военной кампании против Ирана Тегеран получит определённую поддержку со стороны Китая, России, стран Латинской Америки, а также некоторых западных элитных групп. Кстати сказать, отсутствие единства в элите и обществе крупной в военном плане страны, ведущей «асимметричную» войну, способно стать важным фактором её поражения. К примеру, первая чеченская кампания в качестве значимой причины неудач российской стороны имела борьбу кланов в Москве. Важны в «асимметричных» поражениях и победах факторы воли, ментальности и устойчивости патриотического сознания. Недаром война во Вьетнаме с причисляемым к числу особо стойких в военном плане народов стала для США источником масштабной психологической травмы.

Итак, как видно, категории симметрии и асимметрии не только характерны военно-политической сфере, но и выполняют некоторую методологическую функцию в понимании закономерностей её функционирования. Важно также то, что при правильном задействовании скрытых потенциалов асимметрии, из ситуации можно извлекать определённый положительный эффект. Вместе с тем вряд ли стоит необоснованно завышать и переоценивать эти потенциалы.

Симметрия и асимметрия как категории социологии

Соответствующие общенаучные категории проникли и в социологию. Так, в социологических и социально-экономических исследованиях нередко используется понятие информационной асимметрии. Например, при заключении какой-либо сделки часто встречается ситуация, когда информированность сторон о реальном содержании сделки распределена между ними неравномерно. В частности, рекламируемые товары или услуги могут в большей или меньшей степени не соответствовать характеристикам, заявленным в рекламе. Такое происходит всё чаще по мере усиления постмодернистских тенденций в социокультурном пространстве современного мира, вообще в культуре постмодерна классические товарно-денежные отношения претерпевают серьёзные трансформации. Отныне потребитель покупает не столько некоторый товар (или услугу), сколько определённый бренд, т. е. символическое начало в современной экономике всё более доминирует над реалистически-материалистическим. Продавец и производитель всё больше заботятся о виртуальном образе товара и всё меньше о его качестве и реальном содержании [Бузгалин 2008].

Товаром становится бренд. Нередко современный потребитель готов переплачивать за бренд сумму, в разы превосходящую реальную стоимость и себестоимость товара. При этом не

только товар претерпевает диалектические изменения в современном мире, но и сами деньги, которые ввиду оторванности от реальной, физической экономики, т. е. ввиду своей хозяйственной необеспеченности, превращаются в симулякры или вообще переходят в разряд превращённых форм. В первую очередь такая картина характерна для доллара, основной валюты современного мира, уже давно не соответствующей уровню золотого запаса США. Американский доллар и построенная на нём экономика базируются не на золотых запасах, а на чём-то принципиально ином: американском военном могуществе, устройстве мировой финансовой системы, среди прочего позволяющем Вашингтону переносить финансовые издержки на весь остальной мир посредством тех или иных инструментов (как финансовых, так и нефинансовых, к примеру, связанных с эскалацией военно-политической конфликтности). В этом также проявляется определённая асимметрия в устройстве мировой финансовой системы. В одной русской народной сказке подобная дилемма когда-то была хорошо выражена с помощью метафоры «вершки и корешки» (одним достаются вершки, другим – корешки). В завершение обсуждения данного тематического примера отметим, что затронутое нами устройство мировой финансовой системы в совокупности с нарастанием постмодернистских тенденций в мировой экономике стало одними из важнейших причин разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса.

Однако вернёмся к проблеме информационной асимметрии, актуальность которой весьма высока. Так, абитуриент, поступающий в вуз, в силу множества разнообразных причин не может владеть всей информацией о качестве образования в данном вузе, равно как вуз не может владеть всей полнотой информации о степени подготовленности и уровне творческих способностей абитуриента [Меркулова 2007: 3]. Информационная асимметрия характерна также электоральному процессу.

Если, как справедливо утверждал К. Маркс, индустриальное (капиталистическое) общество порождает неравенство отношений собственности и, как следствие, отчуждение труда, то постиндустриальное общество порождает информационное отчуждение как следствие неравенства информационного [Шабров 2010: 9]. Из него вытекает ситуация различного уровня субъектности участников информационного процесса. Какие-то участники и группы в силу своего более мощного информационного присутствия получают те или иные возможности навязать индивидуальному и массовому сознанию виртуальные сущности, не имеющие прообраза в реальности (симулякры). В результате этого механизмы представительной демократии превращаются в средства манипуляции сознанием, а информационное пространство и, говоря шире, куль-

Информационное неравенство ведет к различию уровня субъектности участников информационного процесса. Некоторые участники в силу мощного информационного присутствия получают возможности навязать индивидуальному и массовому сознанию виртуальные сущности, не имеющие прообраза в реальности. В результате механизмы представительной демократии превращаются в средства манипуляции, а информационное пространство – в среду для тотальной манипуляции.

тура – среду для тотальной манипуляции. На более высоком уровне абстракции можно сказать, что в этой связи происходит отчуждение человека от объективной информации и самое главное – от самой реальности [Шабров 2010: 9].

Высокий уровень информационной асимметрии может подрывать доверие между сторонами социального процесса, т. е. уничтожать важнейший ресурс общественных отношений. В связи с этим мониторинг подобного рода асимметрий необходим в целях сохранения в обществе таких нематериальных ресурсов, как доверие к работодателю, правоохранительным органам, выборному процессу и т. п.

В социально-экономических исследованиях пристальному анализу подвергается также и такой тип асимметрии, как гендерная асимметрия. Наиболее ярко гендерная асимметрия проявляется в различии социальных функций мужчины и женщины в семейных отношениях и обществе, в различии средних величин продолжительности жизни мужчин и женщин, средних размеров заработной платы и нормативах возраста выхода на пенсию, в разнообразных распределениях количества мужчин и женщин в различных профессиональных группах. Особое внимание к подобного рода асимметрии предопределено необходимостью выработки адекватной социальной и демографической политики, в частности определению оптимального нормативного пенсионного возраста, формированию системы льгот, пособий, налогов и т. п.

В разных странах мира уровень гендерной асимметрии различный. Так, к примеру, он достаточно высок в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и сравнительно невысок в странах Запада, где гендерная дифференциация при приёме на работу или в самой общественно-политической жизни нередко расценивается как проявление дискриминации и серьёзное нарушение норм политкорректности. Вместе с тем надо понимать, что при приёме на работу и при принятии решений, связанных с карьерным ростом сотрудников, гендерная дифференциация в каких-то своих аспектах вполне обоснованна и не переходит в гендерную дискриминацию. В частности очевидно, что гендерная дифференциация имеет свои корни в различиях биологического и психосоциального плана между женщинами и мужчинами. Кроме того, с точки зрения работодателя, женщины (в зависимости от характера профессиональных обязанностей) могут расцениваться как менее качественная рабочая сила, т. к. они могут обладать определёнными льготами, зафиксированными трудовым законодательством, и, как правило, в большей степени, чем мужчины, ориентированы на семью (в противовес работе и карьере). В любом случае, в определённой мере корни гендерной асимметрии носят объективный характер [Абазиева 2008], а их учёт является важным социально-управленческим ресурсом.

Заключение

Итак, на различных примерах из области политологии и социологии мы можем увидеть, сколь высоким эвристическим потенциалом обладают категории симметрии и асимметрии при их перенесении в социально-гуманитарное знание. Вместе с тем важен не только большой эвристический потенциал тех или иных категорий, но и факт укоренённости симметрии и асимметрии в окружающем человека мире. Важна даже не столько возможность использования конкретных понятий в качестве моделирующих реальность метафор, сколько то, что свойства симметрии и асимметрии присущи социально-гуманитарной сфере и играют большую роль в понимании её закономерностей. Не является случайным и то, что такого рода свойства обнаруживаются и эффективно исследуются в ходе математического моделирования и системного анализа социальных процессов и систем. В таком симбиозе и взаимопроникновении методов, понятий и пластов естественного, общенаучного и социально-гуманитарного знания проявляется важная черта постнеклассической науки, связанная с формированием единства научной рациональности.

Библиографический список

1. Готт В. С. 1988. Эвристическое значение принципа единства симметрии и асимметрии // Готт В. С. Философские вопросы современной физики. 3-е изд. – М.: Высшая школа.
2. Гомбоева М. И., Новиков А. Н. 2010. Трансграничная асимметрия: понятие и следствия // Трансграничье в изменяющемся мире. № 1.
3. Жуланов Е. Е. 2011. Управление социально-экономической асимметрией регионов как фактор экономического роста // Управление большими системами. Вып. 32.
4. Милостивая А. И., Серебрякова С. В. 2010. Идеологический потенциал диссимметрии в политическом нарративе // Политическая лингвистика. № 3 (33).
5. Злобин Н. В. 2012. Военно-политическая дружба США и России // Ведомости. № 53 (3067). 26 марта.
6. Дериглазова Л. В. 2009. Опыт исторического анализа феномена асимметричного конфликта в международных отношениях (вторая половина XX – начало XXI в.): Автореф. дисс... докт. истор. наук. 07.00.03. – Томск.

Важна даже не столько возможность использования конкретных понятий в качестве моделирующих реальность метафор, сколько то, что свойства симметрии и асимметрии присущи социально-гуманитарной сфере и играют большую роль в понимании её закономерностей.

7. Бузгалин А. В. 2008. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма // *Философия хозяйства*. № 5.
8. Меркулова Е. П. 2007. Информационная асимметрия как фактор социальной конкурентоспособности современного образовательного продукта: Автореф. дисс... канд. соц. наук. 22.00.04. – Иркутск.
9. Шабров О. Ф. 2010. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // *Власть*. № 5.
10. Абазиева К. Г. 2008. Статистическая методология оценивания гендерной асимметрии социально-экономических процессов в России: Автореф. дисс... докт. эконом. наук. 08.00.12. – Ростов-на-Дону.